

Базовые ценности российской цивилизации как основа российской Конституции

Грачев Н.И.,

доктор юридических наук, профессор кафедры
конституционного и административного права
Волгоградской академии Министерства внутренних дел РФ
E-mail: grachev.n.i@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается конфликт между западными и отечественными цивилизационными ценностями, выступающими политико-правовыми основами действующей российской Конституции. Делается попытка подвести промежуточный итог конституционного развития России за годы, прошедшие с момента принятия Конституции РФ 1993 г. Дается критический анализ состояния политической и правовой системы страны. Определяются основные направления конституционного развития российского государства и общества на основе традиционных для России и ее граждан социокультурных ценностей.*

***Ключевые слова:** цивилизация, социокультурные ценности, цивилизационная идентичность, конституция, конституционализм, российское государство, государственный суверенитет, конституционные права и свободы, конституционные обязанности.*

Основным содержанием современной эпохи выступает попытка полного пересмотра всех социально-нравственных и культурных ценностей, которыми на протяжении двух последних тысячелетий жила человеческая цивилизация. В этих условиях России и ее народу вновь приходится отвечать на очень серьезные вызовы, угрожающие их цивилизационной идентичности. В 90-е гг. XX в. лишь духовные импульсы русской цивилизации удержали российское государство от полного разложения, страну от расчленения, а ее народ от лишения культурного наследия и исторической памяти. Однако эти угрозы по-прежнему остаются реальностью. Разрушительные импульсы идут со стороны евроатлантической цивилизации, не только провоцирующей перманентные вооруженные конфликты, но и пытающейся навязать свои собственные культурные образцы всем остальным странам и народам.

В первую очередь происходит внедрение конституционно-правовой идеологии, представление о конституции, человеке и его правах и свободах как универсальных планетарных общечеловеческих ценностях, одних лишь способных легитимировать государственную власть в любом и каждом государстве. При этом игнорируется, что конституция и вся система права в том или ином государстве никогда не возникают на пустом месте. Они длительным, может быть, очень сложным и иногда мучительным путем по-разному оформляют те или иные представления о должном и справедливом. А представления эти не бывают и не могут быть универсальными в разные эпохи в различных культурах¹. Отсюда — легитимность любого политико-правового явления определяется не столько его формально-юридическими признаками, сколько внутренней, психологической оценкой со стороны общества или его значи-

тельной части, признанием или непризнанием с их стороны правомерности существования такого явления, его необходимости, значимости и действительности. Это относится и к конституции, содержание которой для своей реализации в общественной практике должно соответствовать правосознанию данного народа в данную эпоху.

В самой конституции на ее вершине находятся нормы, составляющие основы конституционного строя. В них закрепляются основополагающие принципы общественного и государственного строя, организации и деятельности государственной власти, формы правления, территориального устройства, политического режима, основы правового статуса личности, которые одновременно выступают как общие принципы правовой регламентации социальных отношений во всех подсистемах государственно организованного общества. Конституционные принципы, составляющие основы конституционного строя, представляют собой разновидность общих принципов права, на основе которых строятся отрасли и институты права, система законодательства и осуществляется правовое регулирование общественных отношений, поведения различных их участников.

Они выступают как наиболее широкое обобщение того среза общественных отношений, которые составляют основу, фундамент, инфраструктуру государства и общества, на которых строятся все иные социальные связи, что предполагает бесконечный ряд различных форм их реализации, тогда как конкретные юридические нормы являются всего лишь отдельными случаями их применения. Они служат идейной основой для всего позитивного права или нескольких его отраслей. Поэтому их следует считать правообразующими принципами².

¹ См.: Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013. С. 50.

² См.: Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М.: Nota Bene, 2000. С. 169–170.

Все это предполагает выяснение следующих вопросов: какими объективными закономерностями обуславливается система конституционных принципов и что делает их реальными или фиктивными при их осуществлении в практике государственно-правового строительства?

На наш взгляд, в текстах конституции любого государства всегда находят отражение базовые ценности, имеющие общесоциальное значение, наличие которых и делает возможным само существование общества и государства. По мнению американского социолога Э. Шилза, базовые ценности представляют собой «центральную зону» культуры всякого государственно организованного общества. Они содержат в себе в концентрированном, обобщенном виде все его традиции, символы, верования, упорядочивают их и определяют тем самым природу сакрального в обществе³. Внедряясь в течение жизни многих поколений в общественное сознание и социальную практику государствообразующего народа, они становятся этико-правовой традицией, которую можно рассматривать как фактическую конституцию, вырабатываемую в процессе развития общества.

Проблема, однако, заключается в том, что на содержание конституции, систему конституционных принципов оказывает в настоящее время влияние не только собственная национальная традиция, но и конституционно-правовая традиция, сложившаяся в странах, ранее других вступивших на путь конституционного строительства. Это относится и к России. «Наша страна не входит в число соавторов этого правового изобретения, а напротив, выглядит его реципиентом»⁴.

Конституция является особым правовым явлением, с помощью которого в Западной Европе и Северной Америке возник особый политический тип — правовое конституционное государство. Основными социальными и политико-правовыми ценностями, выработанными в процессе развития западноевропейской цивилизации и получившими закрепление в конституционном законодательстве этих стран, являются: приоритет прав и свобод человека в общественной жизни (индивидуализм); верховенство права над государством (правовое государство); либеральная демократия (народовластие, ограниченное правами и свободами личности); экономический либерализм, выражающийся в приоритете частной собственности над различными видами публичной собственности; идеологическое и политическое многообразие, организация государственного аппарата (системы государственной власти) на основе принципа разделения властей и некоторые другие. Указанные ценности

стали руководящими государственно-правовыми идеями в странах Западной Европы и Северной Америки и в качестве основополагающих принципов были закреплены в их конституциях. Более того, многие из них в настоящее время признаны общечеловеческими ценностями и нашли свое отражение в международно-правовых документах.

Ничуть не отрицая важность и значимость многих политико-правовых ценностей и идей, выработанных западной цивилизацией, следует заметить, что, во-первых, российская цивилизация и государственность как часть ее цивилизационно-культурного компонента образовалась и развивалась на несколько иной ценностно-идеологической основе. Это — приоритет общих (общественных и государственных) интересов по отношению к частным и групповым; доминирование обязанностей над правами; верховенство государства над правом — производность правовых функций от деятельности государства; приоритет общественных форм собственности (в первую очередь — государственной) над частной собственностью; преобладание эгалитарных и авторитарных форм демократии при участии населения в управлении делами государства; идеологический и политический монизм или даже монополизм в политической системе общества; организация деятельности верховной власти и всего государственного аппарата на основе принципа единства государственной власти.

Во-вторых, система права любого государства, несмотря на наличие общепризнанных правовых ценностей, сформулированных на базе коллективного опыта человечества, всегда «есть продукт национального и культурного творчества, в который народ вкладывает свое понимание справедливости, свою мораль и духовные силы»⁵. Право всегда является составной частью культуры общества и в своем практическом выражении всегда основывается на правовой ментальности и стереотипах поведения членов государствообразующего народа.

Российская политическая и правовая система есть вполне самостоятельный феномен во многом альтернативный романо-германской и англо-саксонской правовым культурам⁶. В процессе своего развития российское государство выработало собственную политико-правовую традицию, имеющую свой набор социально-политических и правовых ценностей. Однако в начале 1990-х гг. в России начался системный цивилизационный кризис, из которого она не вышла до настоящего времени. В 1993 г. в нашей стране произошло изменение государственного строя в целях установления новой социально-политической, экономической и правовой системы, основанной на запад-

³ См.: Поляков А.В. Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 310–312.

⁴ Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 11.

⁵ Менахем Э. Еврейское право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 127.

⁶ См.: Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. М.: Норма, 2010. С. 68–83.

ных ценностных ориентациях, которые и были закреплены в Конституции РФ 1993 г.

Назначение конституции в буржуазной юридической науке сводится в основном к правовому ограничению государственной власти путем закрепления принципа разделения властей как высшей гарантии обеспечения прав и свобод индивида, в первую очередь права частной собственности. Отсюда проистекает самодовлеющий формализм западной правовой системы и основанный на нем механизм внешне демократической государственной власти, соблазняющий видимой простотой своей организации и создающий иллюзию своей легкоусвояемости государствами иных цивилизаций, где предпосылки такой организации сложиться не могли.

Нельзя сказать, что конституционная идеология и практика были вовсе чужды российской политической культуре. На протяжении двух последних столетий, начиная с царствования Александра I, тема конституции постоянно присутствует в российском правовом дискурсе. Однако отсутствие необходимых и достаточных предпосылок объективного характера (что нельзя оценивать отрицательно, а просто необходимо принимать как данность) делало возможным развитие отечественного конституционализма лишь при помощи постоянных заимствований и поддержке извне. Поэтому двумя его основными и не самыми качественными чертами являются то, что он до сих пор выступает как идеология меньшинства и, соответственно, носит узкопартийный характер, так и не став общенациональным явлением. Следствием этого стало отсутствие общественного согласия в 1993 г. по вопросу об основных принципах социально-экономического и политического строя, которые должна была закрепить новая Конституция.

В это время в отечественной конституционной доктрине на базе огульного отрицания советского опыта господствующее положение занял «либеральный позитивизм, исходящий из предположения, что с помощью Конституции <...> можно произвольно устанавливать и менять государственный строй и природу российской государственности»⁷. Поэтому в процессе работы над новой Конституцией, ее текст подвергался все большей юридизации. Окончательный вариант Конституции, вынесенный на референдум, представлял собой малую «энциклопедию конституционной мысли»⁸, вобравшую в себя все «лучшее» из опыта либерально-правовой государственности. Это, однако, очевидным образом контрастировало с пренебрежительным отношением к отечественным политико-правовым

традициям, социально-политическому и социально-культурному контекстам, а также вопросу о легитимности новой Конституции.

Победившие в октябре 1993 г. реформаторы не озадачились вопросом, насколько новая Конституция соответствует природе российского общества. Социально-политическая обстановка определялась жесткой борьбой, которая шла между различными общественными силами по поводу базовых принципов конституционного строя, и в отношении которых консенсус так и не был достигнут. Это предопределило последовательность политических событий, связанных с принятием настоящей Конституции. Она была принята после вооруженного переворота, в результате использования колоссального административного ресурса со стороны органов власти всех уровней, сомнительным большинством голосов граждан, которые испытывали беспрецедентное воздействие со стороны средств массовой информации.

Вряд ли имеет смысл отказывать действующей российской Конституции в легитимности по перечисленным выше основаниям. Такой отказ является бесперспективным. Парадокс конституционной законности заключается как раз в том, что ее установление зачастую происходит неконституционными средствами, путем насильственного устранения существующего порядка и подавления альтернативных политических проектов. Речь в данном случае идет о другом.

Приходится констатировать, что ни в 1993 г., ни за прошедшие с той поры годы действующая Конституция РФ так и не стала формой достижения национального согласия между вестернизированной элитой и основной массой населения России, ее народом. «Конституция так и не была легитимирована всем обществом»⁹, а конституционализм как политико-правовой срез господствующей идеологии по-прежнему выступает средством понуждения широких масс к уважению чуждых им западных ценностей, которые продолжают выдаваться за общечеловеческие. Действующая Конституция так и не стала фактором стабилизации российского общества и его развития по новому пути, как это утверждается многими авторами, выдающими желаемое за действительное¹⁰.

Либеральный романтизм 1980–1990-х гг. сыграл с нашей страной злую шутку. В настоящее время российское общество и государство все также далеко от заявленных Конституцией целей, как и 20 лет назад.

В экономической сфере результатом реформ стало не построение социально ориентированной экономики, выступающей основой «благопо-

⁷ Синюков В.Н. Указ. соч. С. 424.

⁸ Пастухов В.Б. Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию. М.: ОТИ, 2012. С. 434.

⁹ Там же. С. 451.

¹⁰ См.: Актуальные проблемы конституционного права. Ч. 1 / под ред. В.П. Журавлева и А.Э. Черноковой. СПб.: СПб ИВЭСЭП, 2012. С. 454; Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. С. 17–18.

лучия и процветания России» (Преамбула, ст. 8, 9, 34–36 Конституции РФ), а спекулятивный, паразитический капитализм полумафиозного толка, превративший нашу страну в сырьевой придаток Запада. Господство праволиберальной экономической модели привело не к прыжку в постиндустриальное общество, а к деиндустриализации народного хозяйства, переходу из второго, вполне конкурентоспособного по международным меркам мира в третий мир. И только в последние годы у руководства страны стало возникать осознание необходимости реиндустриализации как важнейшего направления экономической политики на ближайшие 10–15 лет¹¹.

Социальное государство, принцип которого закреплен в ст. 7 Конституции РФ, не только не построено, оно и не начинало строиться, и фактически движение идет в обратном направлении, так как из законодательства и правоприменительной практики устранено большинство социальных гарантий и достижений советского периода. В результате уровень неравенства и социальная пропасть между богатыми и бедными в России оказались таковы, что стали угрожать внутренней безопасности нашей страны и являются непреодолимым тормозом ее развития¹². По социально-экономическим параметрам современная Россия представляет собой нечто среднее между классической страной третьего мира и либерально-буржуазным государством конца XVIII — первой половины XIX в.

Вряд ли кто-нибудь из добросовестных исследователей станет утверждать, что за последние 20 лет в России был сделан существенный шаг на пути становления правового и демократического государства. Господство либеральной конституционно-правовой доктрины привело к существенной формализации действующего права и значительному разрыву между теорией и юридической практикой. Все это время Конституция России и ее правовая система не коррелировали друг с другом, существовали в разных плоскостях, находясь в состоянии разрыва, а то и конфликта. Это привело страну к состоянию правового кризиса, который носит всеобъемлющий характер, затрагивая все ключевые элементы правовой системы: правосознание, правотворчество, правоприменение, правосудие. И в обществе, и во власти сложилось сугубо утилитарное отношение к праву, исключительно как инструменту достижения собственных целей. В результате на стремление общества «жить по понятиям», власть все чаще отвечает правовым произволом¹³. Однако в

таких условиях происходит быстрая деградация правоохранительной системы, которая должна быть основным гарантом конституционных прав и свобод. Существенной деформации подверглась деятельность судебных органов, которые так и не стали функционально независимыми. Но ведь принцип разделения властей, закрепленный в ст. 10 Конституции РФ, в западной системе конституционно-правовых ценностей направлен в первую очередь на обеспечение самостоятельности именно судебной власти как основному правоохранительному институту.

В тех социально-политических условиях, которые сложились в России в 90-е гг. XX в., принцип разделения властей оказался деструктивным. Уже к середине десятилетия система выборов, СМИ, парламент, правоохранительные органы и суд, система власти на местах оказались под контролем частных корпораций, а ряде случаев и криминальных группировок, выражали не государственные, общественные или региональные, а узкогрупповые, клановые интересы.

Поэтому, верховная власть в лице Президента и его администрации с начала 2000-х гг. оказалась вынужденной брать под жесткий контроль организацию и деятельность практически всех государственных институтов и структур, выстраивая новую «вертикаль власти», опираясь, по сути, на традиционный для России принцип единства государственной власти. И здесь необходимо остановиться на одной особенности Конституции 1993 г., которая делает ее в значительной степени рабочей и реальной, несмотря на эклектичность содержания и радикальный либерализм основополагающих принципов. В организации верховной власти она по существу воспроизвела российский архетип сильной единоличной власти главы государства, к компетенции которого относится принятие всех ключевых политических и кадровых решений, что позволяет Президенту в необходимых случаях мобилизовать весь государственный ресурс.

Повинуясь политической логике и опираясь на свои конституционные полномочия, Президент в первой половине 2000-х гг. провел целый ряд реформ, которые спасли Российскую Федерацию от распада и хаоса, но которые вряд ли соответствовали либеральным принципам и нормам первых двух глав российского Основного Закона. Путинские реформы сняли огромное социально-политическое напряжение, в котором находилась страна все 1990-е гг. Однако не все они поддаются однозначной оценке, что свидетельствует об их половинчатости и незавершенности.

В настоящее время политическая система российского государства характеризуется следующими моментами: фактическим подчинением главе государства Федерального Собрания — Парламента России, который по существу

¹¹ См.: Гринберг Р.С. Мифы постиндустриализма и проблемы реиндустриализации России // Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М.: Науч. эксперт, 2012. С. 7.

¹² См.: Кобяков А. Социальная пропасть. Уровень неравенства в России: угроза безопасности и тормоза развития // Завтра. 2013. № 34 (1031). С. 2.

¹³ Пастухов В.Б. Реставрация вместо реформации. С. 454.

превратился в законосовещательный орган при Президенте; лишением независимости судебных органов, которые находятся под контролем президентской администрации и региональной исполнительной власти; фактической унитаризацией политико-территориального пространства РФ при одновременном сохранении серьезных сепаратистских тенденций в ряде регионов России; отсутствием реальных демократических механизмов, когда принцип народовластия практически сводится к периодическим повторяемым выборам и дееспособности искусственно созданных и бюрократически организованных партий, не отражающих интересы широких народных масс, не сумевших стать каналами обратной связи между народом и властью и являющихся по сути квазиполитическими формированиями; отсутствием реальной почвы для парламентаризма и упадком доверия населения к избирательной системе.

В то же время реально сложившуюся практику государственно-правового строительства ни в коем случае нельзя рассматривать как «узурпацию власти Президентом» или «возрождение авторитаризма», как утверждают лидеры неолиберальной оппозиции. Доминирующие тенденции имеют глубинную опору в российской социокультурной среде. Инициатива по проведению реформ, вектор их направления были заданы именно снизу — как выражение устойчивых психологических установок со стороны широких народных масс. По сути дела, тот политико-правовой режим, который сложился в России в начале XXI в., можно определить как плебисцитарную демократию. Ее основным содержанием выступает авторитарное правление главы государства, который избирается на всенародных выборах и в силу источника своих полномочий и личной харизмы возвышается и над всеми политическими силами и социально-экономическими интересами, что дает ему возможность проводить политику в интересах всего народа, опираясь на широкую общественную поддержку. Именно такая политическая конструкция оказалась способной обеспечить на данном историческом этапе социально-политическую стабильность и государственную целостность России.

Таким образом, после 20 лет реформ реальный облик российской государственности и вся публичная жизнь России оказываются весьма далекими от тех «совершенных образцов», которые рисует Конституция.

Развитию страны в направлении централизации власти, унитаризации ее политико-территориального пространства, формализации неразвитых демократических институтов способствует также международная обстановка и геополитическое положение России в мире. Процессы глобализации, мировой экономической кризис, име-

ющий системный характер, экспансионистская внешняя политика США, которые демонстрируют себя как единственную сверхдержаву, международный терроризм ставят под угрозу не только государственный суверенитет России, но и само ее существование. И одним из инструментов ослабления и развала российского государства выступает идеология либерализма, на которой в основном и построена российская Конституция. Население России в своем подавляющем большинстве не принимает либерально-буржуазные ценности в том «чистом» виде, в котором они закреплены в Конституции. Попытки проведения их в жизнь в нашей стране, а следовательно, и реализация самой Конституции вызывает большие трудности, которые носят вполне объективный характер.

Вновь, как и 20 лет назад, вопрос о конституционных ценностях оказался в центре внимания политических элит и юридической общественности. Вновь, как и в начале 1990-х гг., речь заходит о выборе пути конституционного развития России. И здесь можно выделить две основные тенденции¹⁴.

Первая — заключается в том, чтобы, не обращая внимания на неадекватность многих конституционных принципов и норм, продолжать внедрять их в политическую и правовую практику, развивая чисто формальный вектор Конституции. В области государственного строительства это с необходимостью потребует усиления парламентарных начал в организации верховной власти — ограничение полномочий Президента в пользу Федерального Собрания, повышение самостоятельности правительства и другие шаги в сторону парламентарной формы правления. Представляется, что это тупиковый путь, не соответствующий природе и состоянию российской государственности. Сложно представить, как сложилась бы история нашей страны, если бы в 1993 г. была принята конституционная концепция Съезда народных депутатов, предусматривающая более мягкий, парламентарно-президентский вариант организации верховной власти. В победе Б.Н. Ельцина в октябре 1993 г. видится непознаваемая парадоксальная логика истории, исходная посылка которой часто содержит в себе иной, далекий от изначальных замыслов ее авторов результат и интерпретационный смысл.

Вторая тенденция — это движение к преодолению западного конституционализма посредством постепенного возрождения обновленных форм традиционного государственного и правового порядка. Это возможно лишь через осознание собственных социально-экономических, политических и правовых ценностей, закрепление их в конституционном законодательстве, а также посредством адаптации заимствованных прин-

¹⁴ Ср.: Синюков В.Н. Указ. соч. С. 425.

ципов, институтов и норм к российской социокультурной среде и их абсорбции на собственной духовной основе.

Реализация данной тенденции в конституционной практике связана с большими трудностями. Современное российское общество является во всех отношениях переходным. Необходимые социально-политические и правовые формы здесь еще не только не сложились, но в значительной степени и не проявились. Это предопределяет отношение к действующей Конституции.

В ближайшем обозримом будущем не имеет смысла ставить вопрос о разработке и принятии новой Конституции, хотя вопрос об этом поднимается в последние годы в политических кругах и научной литературе. В то же время дорожить действующей Конституцией нужно не потому, что «лучшей конституции в перспективе не может быть», — как утверждает В.Д. Зорькин¹⁵, а потому, что еще не сложились определенные условия и предпосылки для принятия новой, основанной на традиционных для России цивилизационных ценностях и нормах. Не сложилась национально ориентированная политическая и административная элита, способная утвердить такие ценности и нормы в реальной жизни российского общества. Однако такое положение дел не должно означать неподвижность и неизменность действующей Конституции. Ее концептуальное содержание необходимо постепенно менять по мере накопления в общественно-политической жизни соответствующих условий. Причем в силу чрезмерной жесткости Конституции, изменению в ней подлежит не текст, а смысл, и делать это лучше всего «через ее интерпретацию и толкование» Конституционным Судом¹⁶. Но поскольку Конституционный Суд не является субъектом инициативы по вопросам толкования конституции и конституционной законности, основная тяжесть по изменению смысловой парадигмы действующего Основного Закона ложится на Президента и палаты Федерального Собрания.

Новые смысловые интерпретации Конституции должны стать исходным пунктом начала развития собственного, самобытного российского конституционализма, не сводимого к ограничению власти правом, правам человека и гарантиям частной собственности. В отечественной теории конституционализма, в практике российского государственного строительства сущность конституции может определяться только через назначение и основную цель государства, которые заключаются в сохранении, воспроизводстве, благополучии и процветании государствообразующего народа. Соответственно, назначение

конституции заключается в создании правовых условий для этого. Конституция России должна играть консолидирующую роль в государстве и обществе. Она должна объединять страну и народ не только политически, но духовно и нравственно. В этом может и должна состоять особая социально-культурная архитектура нашей конституции, не исчерпываемая формальным признанием за ней высшей юридической силы. В объединяющей, консолидирующей роли конституции, «ее способности быть юридической формулой национальной идеологии»¹⁷, отражающей этнополитические и духовно-нравственные ценности государствообразующего народа, стать символом его общего сознания, и заключается в XXI в. социальная сущность конституции.

В рассматриваемой перспективе (впрочем, как и в ретроспективе) признание высшей ценностью человека, его прав и свобод совсем не вписывается в отечественную духовную и политико-правовую традицию. В своей речи на 10-й пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» 20.09.2013 г. Президент РФ В.В. Путин поставил вопрос о необходимости сохранения национальной идентичности, ее укреплении на основе единых ценностей и назвал в качестве высшей среди этих ценностей Россию как особую цивилизацию, вокруг которой должно происходить объединение различных народов и наций евразийского пространства¹⁸. В Послании Федеральному Собранию РФ 04.12.2014 г. Президент обратил внимание на неразрывность и целостность тысячелетнего пути нашего Отечества и подчеркнул, что «для России реальный государственный суверенитет — абсолютно необходимое условие ее существования»¹⁹. На наш взгляд, такой подход предполагает совершенно иное соотношение социально-политических и правовых ценностей, закрепленных в основах конституционного строя (гл. 1 Конституции РФ), причем такого соотношения, которое имело бы обязательное нормативное значение.

Конституционный Суд РФ, давая «общеобязательное, а следовательно, нормативное толкование Конституции»²⁰, может, при наличии соответствующего запроса, установить официальную иерархию принципов, составляющих основы конституционного строя. Реальной основой нормативной соподчиненности этих принципов выступает их действительная значимость и приоритетность, проявляющиеся в процессе их практической реализации. Историческое суще-

¹⁷ Синюков В.Н. Указ. соч. С. 428.

¹⁸ Выступление В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: portall.zr.ua/?c=video&q=Валдай

¹⁹ Послание Президента Федеральному собранию 04.12.2014. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/47173>

²⁰ Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 115.

¹⁵ Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М.: Норма, 2007. С. 35.

¹⁶ Там же. С. 36–37.

ствование России, в том числе и политическая практика последних двух десятилетий, наглядно продемонстрировали основополагающее значение в системе основ конституционного строя принципа государственного суверенитета (ст. 4 Конституции РФ), в котором максимально полно раскрывается назначение и цель российского государства. Международная обстановка с полной очевидностью показывает, что без реализации принципа государственного суверенитета во внешней и внутренней политике российского государства не только невозможна реализация всех других конституционных принципов, но и само существование России как самобытной культурно-исторической личности и социально-политической целостности²¹.

Только независимость и самостоятельность государственного бытия (внешний аспект суверенитета) гарантирует личность от нарушения ее прав и свобод или их использования в интересах иностранных держав. Лишь монополия верховной власти на законотворческую деятельность, организацию государственного аппарата и его деятельности, принуждение, определение его целей и способов (внутренний аспект суверенитета) может обеспечить права и свободы личности в ее отношениях с иными лицами внутри страны. Поэтому любой конфликт между верховной властью как выразительницей высших государственных интересов и правами человека или между независимостью государства и угрожающими ей международными событиями делает неизбежным выбор в пользу государственного суверенитета. Автономия и права отдельных лиц и их союзов могут простираться лишь до тех пределов, где она наталкивается на прерогативы верховной власти, руководствующейся высшими соображениями общего блага и общей пользы. Исходя из вышесказанного, верховная власть суверенного государства и должна определять в своем конституционном законодательстве: объем прав и свобод человека и гражданина, вне зависимости от того, соответствует этот объем международным стандартам или нет; основания и условия ограничения прав и свобод, а также их отчуждения в случае необходимости. Юридические обязанности и такие элементы правового статуса личности, как гражданство, политическая правосубъектность, основные права, свободы и обязанности, гарантии прав, следует содержательно определять и юридически закреплять в свете обеспечения государственного суверенитета.

Духу отечественной правовой традиции будет соответствовать толкование принципа гуманизма (ст. 2 Конституции РФ) не как приоритета прав личности, с его однобокой акцентировкой

на свободе, а в направлении обеспечения единства взаимных прав, обязанностей и ответственности личности и государства, где обязанностям и их исполнению придается не меньшее значение, чем правам²².

На наш взгляд, в подобной смысловой и содержательной интерпретации нуждаются практически все принципы действующей Конституции. Их толкование в таком социокультурном ключе, во-первых, позволит подготовить государство и общество к принятию нового Основного Закона, строящегося на обновленной национальной идеологии, а во-вторых, позволит уже ныне действующей Конституции постепенно утверждаться в качестве элемента российской и русской духовной культуры, синонима социального прогресса всех наций и народов, составляющих евразийскую цивилизацию.

Список литературы:

1. Актуальные проблемы конституционного права. Ч. 1 / под ред. В.П. Журавлева и А.Э. Черноковой. СПб.: ИВЭСЭП, 2012. 519 с.
2. Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 658 с.
3. Бертель Ж.-Л. Общая теория права. М.: Nota Bene, 2000. 576 с.
4. Грачев Н.И. Основы конституционного строя как общеправовые принципы // Вестник ВолГУ. Сер. 5: Юриспруденция. 2013. № 1 (18). С. 12–18.
5. Гринберг Р.С. Мифы постиндустриализма и проблемы реиндустриализации России // Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М.: Науч. эксперт, 2012. С. 4–10.
6. Дмитриев Ю.А. О состоянии и перспективах развития российской конституционно-правовой науки // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 32–39.
7. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013. 496 с.
8. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М.: Норма, 2007. 400 с.
9. Кобяков А. Социальная пропасть. Уровень неравенства в России: угроза безопасности и тормоз развития / А. Кобяков // Завтра. 2013. № 34 (1031).
10. Кравец И.А. Ценность конституционной телеологии и конституционная легитимность политического и идеологического многообразия: доктрина и практика // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 80–99.
11. Менахем Э. Еврейское право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 611 с.
12. Пастухов В.Б. Реставрация вместо Реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию. М.: ОТИ, 2012. 528 с.
13. Поляков А.В. Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход. СПб.: Юрид. центр Пресс, 200. 845 с.
14. Синоков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2010. 672 с.
15. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 320 с.
16. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007. 384 с.
17. Эбзеев Б.С. Глобализация и современный конституционализм: два вектора развития // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 7–16.

²¹ Грачев Н.И. Основы конституционного строя как общеправовые принципы // Вестник ВолГУ. Сер. 5: Юриспруденция. 2013. № 1 (18). С. 16.

²² См.: Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007.

Basic values of the Russian civilization as the basis of the Russian Constitution

Grachev N.I.,

Doctor of Law, Professor of the Constitutional and Administrative Law Faculty of the State-owned Federal State Institution of Higher Professional Education «The Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»

E-mail: grachev.n.i@mail.ru

Abstract. *This article deals with a conflict between Occidental civilizational values and the Russian ones which serve as political and legal fundamentals of the active Russian Constitution. An attempt is made to subtotal Russia's constitutional evolution over the years which have passed since the Constitution of the Russian Federation was adopted in 1993. The condition of the country's political and legal system is analyzed in a critical manner. Main courses of constitutional development of the Russian State and society are defined on the basis of sociocultural values which are traditional for Russia and its citizens.*

Keywords: *civilization, sociocultural values, civilizational identity, Constitution, constitutionalism, the Russian State, national sovereignty, constitutional rights and liberties, constitutional obligations.*

References:

1. Aktual'nye problemy konstitucionnogo prava. Ch. 1 / pod red. V.P. Zhuravleva i A.Je. Chernokovoj. SPb.: IVJeSJeP, 2012. 519 s.
2. Aranovskij K.V. Konstitucionnaja tradicija v rossijskoj srede. SPb.: Jurid. centr Press, 2003. 658 s.
3. Berzheľ Zh.-L. Obshhaja teorija prava. M.: Nota Bene, 2000. 576 s.
4. Grachev N.I. Osnovy konstitucionnogo stroja kak obshhepravovye principy // Vestnik VolGU. Ser. 5: Jurisprudencija. 2013. № 1 (18). S. 12–18.
5. Grinberg R.S. Mify postindustrializma i problemy reindustrializacii Rossii // Postindustrializm. Opyt kriticheskogo analiza. M.: Nauch. jekspert, 2012. S. 4–10.
6. Dmitriev Ju.A. O sostojanii i perspektivah razvitija rossijskoj konstitucionno-pravovoj nauki // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 1 (2). S. 32–39.
7. Zor'kin V.D. Pravo v uslovijah global'nyh peremen. M.: Norma, 2013. 496 s.
8. Zor'kin V.D. Rossija i Konstitucija v XXI veke. Vzglyad s I'inki. M.: Norma, 2007. 400 s.
9. Kobjakov A. Social'naja propast'. Uroven' neravenstva v Rossii: ugroza bezopasnosti i tormoz razvitija / A. Kobjakov // Zavtra. 2013. № 34 (1031).
10. Kravec I.A. Cennost' konstitucionnoj teleologii i konstitucionnaja legitimnost' politicheskogo i ideologicheskogo mnogoo-brazija: doktrina i praktika // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 3 (4). S. 80–99.
11. Menahem Je. Evrejskoe pravo. SPb.: Jurid. centr Press, 2002. 611 s.
12. Pastuhov V.B. Restavracija vmesto Reformacii. Dvadcat' let, kotorye potrasli Rossiju. M.: OTI, 2012. 528 s.
13. Poljakov A.V. Obshhaja teorija prava. Fenomenologo-kommunikativnyj podhod. SPb.: Jurid. centr Press, 200. 845 s.
14. Sinjukov V.N. Rossijskaja pravovaja sistema. Vvedenie v obshhuju teoriju. M.: Norma, 2010. 672 s.
15. Habrieva T.Ja., Chirkin V.E. Teorija sovremennoj konstitucii. M.: Norma, 2005. 320 s.
16. Jebzeev B.S. Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaja otvetstvennost' i konstitucionnye objazannosti. M.: Norma, 2007. 384 s.
17. Jebzeev B.S. Globalizacija i sovremennij konstitucionalizm: dva vektora razvitija // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 2 (3). S. 7–16.